

БРАТЬЯ
РАЗБОЙНИКИ.

БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ.

А. ПУШКИНА.

(писано въ 1822 году.)

Второе изданіе.

МОСКВА.

въ типографии Августа Семена,
при императорской мед.-хирургической Академіи.

1827.

Печатанъ позволяетъ съ представлениемъ 5 экзем-
пляровъ въ Цензурный Комитетъ для Казенныхъ
мѣстъ. Июня 9 1827 года. Книгу сю разсматри-
валъ Ординарный Профессоръ , Надворный Совѣт-
никъ и Кавалеръ

Иванъ Снегиревъ.

Не спая вороповъ слепалась
На груды шающихъ костей,
За Волгой, ночью, вокругъ огней
Удалыхъ шайка собиралась.
Какая смысь одѣждъ и лицъ,
Племенъ, народъ, состояній!
Изъ хатъ, изъ келій, изъ темницъ
Они стеклися для сшлжаній!
Здѣсь цѣль одна для всѣхъ сердецъ —
Живущъ безъ власти, безъ закона.
Межъ ними зрится и бѣглецъ
Съ береговъ воинственнаго Дона,
И въ черныхъ локонахъ Ерей,
И дикие сыны степей,
Калмыкъ, Башкирецъ безобразной,
И рыжій Финнъ, и съ лѣникою праздной
Вездѣ кочующій Цыганъ!
Опасность, кровь, развращъ, обманъ —
Суть узы страшнаго семейства;
Тотъ ихъ, кто съ каменной душой

Прошелъ всѣ спасени злодѣйства ;
 Кто рѣжешь хладною рукой
 Вдовицу съ бѣдной спротой ,
 Кому смѣши дѣшевъ спенанье ,
 Кто не прощаешь , не щадишь ,
 Кого убийство веселишь ,
 Какъ юношу любви свиданье.

Запихло все , теперь луна
 Свой блѣдный свѣтъ на нихъ наводитъ ,
 И чарка пѣннаго вина
 Изъ рукъ въ другія переходишъ .
 Просперши на землѣ сырой
 Иные чулко засыпающъ ,
 И сны зловѣщіе лепшающъ
 Надъ ихъ преспунной головой .
 Другимъ разсказы сокращающъ .
 Угрюмой ночи праздный часъ ;
 Умолкли всѣ — ихъ занимаешь
 Пришельца новаго разсказъ ,
 И все вокругъ его внимаешь ;
 « Насъ было двое : брашь и я .
 Росли мы вмѣстѣ ; нашу младость
 Вскормила чуждая семья :
 Намъ ; дѣшамъ , жизнь была не въ радость ;

Уже мы знали нужды гласъ ,
 Сносили горькое презрѣніе ,
 И рано волновало часъ
 Жестокой зависи мученіе.
 Не оставалось у сиропъ
 Ни бѣдной хижинки , ни поля ;
 Мы жили въ горѣ , средь заботъ ,
 Наскучила памъ эша доля ,
 И согласились межъ собой
 Мы жребій испытать иной :
 Въ товарищи себѣ мы взяли
 Булашный ножъ да шемну ночь ;
 Забыли робость и печали ,
 А совѣсть отогнали прочь.
 Ахъ , юность , юность удалая !
 Жищье въ то время было намъ ,
 Когда погибель презирая ,
 Мы все дѣлили пополамъ .
 Бывало только мѣсяцъ ясный
 Взойдешъ и спанешь средь небесъ ,
 Изъ подземелія мы въ лѣсъ
 Идемъ на промыселъ опасный .
 За деревомъ сидимъ и ждемъ :
 Идешъ-ли позднею дорогой

Богатый Жидъ или убогой , —
 Все наше ! все себѣ беремъ .
 Зимой бывало въ ночь глухую
 Заложимъ тройку удалую ,
 Поемъ и свищемъ , и спрѣлой
 Лепимъ надъ сиѣжной глубиной .
 Кто не боялся нашей вспрѣчи ?
 Завидѣли въ харчевнѣ свѣчи —
 Туда ! къ ворошамъ , и спущимъ ,
 Хозяйку громко вызываемъ ,
 Вощи — все даромъ : пьемъ , ъдимъ !
 И красныхъ дѣвушекъ ласкаемъ !
 И чѣожъ ? попались молодцы ;
 Не долго брашья пировали ;
 Поймала насъ — и кузнецы
 Насъ другъ ко другу приковали ,
 И стража отвела въ осстрогъ .
 Я спаршій былъ пяшью годами ,
 И вынесшь больше брашна могъ .
 Въ цѣпяхъ , за душными спѣнами
 Я уцѣпляль — онъ изнемогъ .
 Съ трудомъ дыша , томимъ поскою ,
 Въ забвеньи жаркой головою
 Склоняясь къ моему плечу ,

Онъ умиралъ , твердя всечасно :
 « Мнѣ душно здѣсь . . я въ лѣсь хочу . . .
 Воды , воды ! . . » но я напрасно
 Спрадальцу воду подавалъ :
 Онъ снова жаждою шомился
 И градомъ пошь по немъ кашился.
 Въ немъ кровь и мысли волновалъ
 Жарь ядовитаго недуга ;
 Ужь онъ меня не узнавалъ
 И поминутно призывалъ
 Къ себѣ шоварища и друга.
 Онъ говорилъ : « гдѣ скрылся шы ?
 Куда свой шайный пушъ направилъ ?
 За чѣмъ мой братъ меня оставилъ
 Средь этой смрадной темноты ?
 Не онъ ли самъ ошь мирныхъ пашенъ
 Меня въ дремучій лѣсь сманилъ ,
 И noctю шамъ , могущъ и спрашенъ ,
 Убійству первый научилъ ?
 Теперь онъ безъ меня на волѣ
 Одинъ гуляешъ въ чистомъ полѣ ,
 Тяжелымъ машешъ кисшенемъ
 И позабылъ въ завидной долѣ
 Онъ о шоварицѣ своемъ ! . . »

То снова разгорались въ немъ
 Докучной совѣсти мученья :
 Предъ нимъ шолпились привидѣнья ,
 Гроя перспомъ издалека.
 Всѣхъ чаще образъ спарика ,
 Давно зарѣзанаго нами ,
 Ему на мысли приходилъ ;
 Больной , зажавъ глаза руками ,
 За спарца шакъ меня молилъ :
 « Брашь ! сжался надъ его слезами !
 Не рѣжь его на спарость лѣшь . . .
 Минъ дряхлый крикъ его ужасенъ . . .
 Пусши его — онъ неопасенъ ;
 Въ немъ крови капли теплой нѣшь . . .
 Не смѣйся , брашь , надъ сѣдинами ,
 Не мучь его . . . авось мольбами
 Смягчишь за насъ онъ Божій гнѣвъ ! . . . »
 Я слушалъ , ужасъ одолѣвъ ;
 Хотѣлъ уняшь больнаго слезы
 И удалишь пустыя грэзы.
 Онъ видѣлъ пляски мертвецовъ ,
 Въ шюрьму пришедшихъ изъ лѣсовъ ,
 То слышалъ ихъ ужасный шопотъ ,
 То вдругъ погони близкій шопотъ ,

И дико взглядъ его сверкаль ,
 Стояли волосы горою ,
 И весь какъ листъ онъ препешаль .
 То мнилъ ужъ видѣть предъ собою
 На площадяхъ шолпы людей ,
 И страшный ходъ до мѣста казни ,
 И кнушъ , и грозныхъ палачей . . .
 Безъ чувствъ , исполненный боязни ,
 Брашъ упадалъ ко мнѣ на грудь .
 Такъ проводилъ я дни и ночи ,
 Не могъ минуты отдохнуть
 И сна не знали наши очи .

Но молодоспь свое взяла :
 Вновь силы браша возвращались ,
 Болѣзнь ужасная прошла ,
 И съ нею грезы удалились .
 Воскресли мы . Тогда сильнѣй
 Взяла шоска по прежней долѣ ;
 Душа рвалась къ лѣсамъ и къ волѣ ,
 Алкала воздуха полей .
 Намъ шошень былъ и мракъ шемницы ,
 И сквозь рѣшечки свѣтъ денницы ,
 И стражи кликъ , и звонъ цѣпей ,
 И легкой шумъ залежной пшицы .

Но улицамъ однажды мы ,
 Въ цѣпяхъ , для городской тюрьмы
 Сбирали вмѣстѣ подаянье ,
 И согласились въ пишицѣ
 Исполнить давнее желанье ;
 Рѣка щумѣла въ споронѣ ,
 Мы къ ней — и съ береговъ высокихъ
 Бухъ ! поплыли въ водахъ глубокихъ.
 Цѣпями общими гремимъ ,
 Бьемъ волны дружными ногами ,
 Песчаный видимъ островокъ ,
 И разсѣкая быстрый шокъ ,
 Туда спремимся. Въ слѣдъ за нами
 Кричашъ : « лови ! лови ! уйдуши ! »
 Два спраха издали плывушъ ,
 Но ужь на островъ мы спупаемъ ,
 Оковы камнемъ разбивасъ ,
 Другъ съ друга рвемъ клочки одежды ,
 Ошягощенные водою . . .

Погоню видимъ за собою ;
 Но смѣло , полные надеждъ ,
 Сидимъ и ждемъ. Одинъ ужь топени ,
 То захлебнется , то заслоненъ ,
 И какъ свинецъ пошелъ ко дну.

Другой проплылъ ужъ глубину ,
 Съ ружьемъ въ рукахъ, онъ въ бродъ упрямо ,
 Не внимая крику моему ,
 Идешъ , но въ голову ему
 Два камня полетѣли прямо —
 И хлынула на волны кровь.
 Онъ утонулъ — мы въ воду вновь ;
 За нами гнашься не поспѣли ,
 Мы береговъ достичь успѣли
 И въ лѣсъ ушли. Но бѣдной братъ . . .
 И шрудъ и волнъ осенній хладъ
 Недавнихъ силъ его лишили :
 Опяшь недугъ его сломилъ ,
 И злые грезы посѣтили.
 Три дня больной не говорилъ
 И не смыкалъ очей дремотой ;
 Въ четвертый грустною заботой ,
 Казалось , онъ исполненъ былъ ;
 Позвалъ меня, пожаль мнѣ руку ,
 Попухшій взоръ изобразилъ
 Одо лѣвающу муку ;
 Рука задрогла , онъ вздохнулъ ,
 И на груди моей уснулъ .

Надъ хладнымъ шѣломъ я остался ,
 Три ночи съ нимъ не разспавался ,
 Все ждалъ , очнешся ли мертвѣцъ ?
 И горько плакаль . Наконецъ
 Взялъ заступъ ; грѣшную молитву
 Надъ брашиной ямой совершилъ
 И шѣло въ землю скоронилъ . . .
 Потомъ на прежнюю ловину
 Пошелъ одинъ . . . Но прежнихъ лѣтъ
 Ужъ не дождусь : ихъ нѣтъ , какъ нѣтъ !
 Пиры , веселые ноchlеги ,
 И наши буйные набѣги —
 Могила браши все взяла .
 Влачусь угрюмой , одинокой ,
 Окаменѣль мой духъ жестокой ,
 И въ сердцѣ жалость умерла .
 Но иногда щажу морщины :
 Мне страшно рѣзать старика ;
 На беззащитныя сѣдины
 Не подымается рука .
 Я помню , какъ въ тюрмѣ жестокой
 Больной , въ цѣпяхъ , лишенный силъ ,
 Безъ памяти въ тоскѣ глубокой
 За старца браши меня молилъ . »

Цѣна 42 копѣйки.